

RU

Антиутопия М. Кабирова «Китап» как способ конструирования мифологической модели мира

Давлетшина Л. Х.

Аннотация. Цель исследования - анализ особенностей конструирования мифологической модели мира в литературной антиутопии М. Кабирова «Китап» («Книга»). В целях реализации поставленной цели рассмотрены исторические реалии и причины формирования утопической литературы в татарской прозе, выявлены особенности данного жанрового явления, проведен структурный анализ модели мира, составляющих ее мифологических компонентов и образов. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в татарском литературоведении роман М. Кабирова «Китап» рассматривается в мифопоэтическом аспекте как способ конструирования авторского мифа. В результате исследования доказано, что основу антиутопии составляет эсхатологический миф, который находит отражение не только в сюжетостроении, но и образной реализации произведения, получает авторскую интерпретацию.

EN

Mythological World Model in M. Kabirov's Anti-Utopia "Китап (The Book)"

Davletshina L. K.

Abstract. The paper aims to reveal specificity of the mythological world model in M. Kabirov's literary anti-utopia "Китап (The Book)". To achieve this objective, the researcher analyses historical prerequisites for the utopia genre formation in the Tatar literature, reveals its peculiarities, provides a structural analysis of the mythological world model, identifies its basic components. Scientific originality of the study lies in the fact that for the first time in the Tatar literary criticism, Kabirov's novel is analysed from the viewpoint of mytho-poetics, as a means to create the author's myth. As a result, it is proved that Kabirov's anti-utopia is based on the eschatological myth which manifests itself in the story and in the figurative system, acquires the author's interpretation.

Введение

Рубеж XX-XXI веков представляется особым этапом в развитии татарской литературы, сформировавшим новые явления. Если в 1960-е годы татарская поэзия инициировала широкое использование образов и мотивов, звучания и структуры, художественных особенностей татарской народной песни (С. Хаким, Х. Туфан, А. Файзи и др.), то татарская «деревенская проза» (М. Магдеев, А. Гилязов, Р. Тухватуллин и др.) закрепила эту тенденцию в нарративном тексте. Массовое обращение к исторической памяти, к далекой и близкой истории татарского народа, стремление к переосмыслению национальных социокультурных проблем спровоцировали поэтов и писателей к поиску ответов на вызовы времени после демократических перемен 1986 года (Ф. Латыфи, Р. Сибат, Н. Гыйматдинова и др.), наряду с этим в татарской прозе появились элементы модернизма и постмодернизма (Ф. Байрамова, Г. Гильманов, М. Кабиров и др.). Стремление емко и масштабно оценить социальную действительность и концептуально выразить свое отношение заставило писателей обратить особое внимание на мифологические структуры и мифопоэтические образы-детали. Процесс творчества в татарской литературе начала XXI века зачастую принимал вид экспериментирования и моделирования, охватывающего все структурные элементы художественного произведения, и до сих пор не получил должного внимания со стороны исследователей. С учетом вышесказанного анализ стадийных изменений татарской литературы видится обязательным этапом в изучении национального литературного процесса.

Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих задач: обоснование теоретических подходов к разграничению жанров утопии и антиутопии, проведение семантического анализа модели мира, репрезентированной в антиутопии М. Кабирова «Китап», выявление конструктивных элементов модели мира, восходящих к эсхатологическому мифу. Реализация задач невозможна без применения мифопоэтического метода исследования совместно с проведением сравнительного анализа.

Теоретической базой исследования по проблеме периодизации и жанровой эволюции татарской литературы явились труды Д. Ф. Загидуллиной [1; 2], по вопросам миромоделирования в литературе были использованы исследования таких отечественных учёных, как Ю. М. Лотман, О. А. Павлова, М. В. Покотыло, А. Н. Воробьева и др.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов в изучении современного литературного процесса, применения в лекционных курсах по литературе народов России, а также спецкурсах, посвященных истории татарской литературы.

Утопическая литература как форма реализации «нового мифа»

Среди художественных экспериментов рубежа XX-XXI вв., развивающихся в аспекте *мифотворчества* и реализующих в своей структуре новый миф, особое место занимает утопическая литература, «воплотившая трагическое мироощущение человека, представившая проблемную мировоззренческую парадигму прошедшего столетия, сумевшая воспроизвести современную картину мира и предлагающая свое видение перспектив развития человеческой цивилизации» [7, с. 136]. Эти жанровые формы, появляясь на стыке времен, в эпоху перемен, отличающихся социально-политическими осложнениями, непредсказуемыми случайностями, которые преподносит человечеству будущее, моделируют новый мир, основанный на законах мифотворчества.

В XXI в. они не теряют своей популярности, ситуация социально-политической нестабильности, характерная для России конца XX – начала XXI в., находит свое отражение и в литературном творчестве. В произведениях такого плана происходит творческое переосмысление мифологического мировоззрения, традиционные элементы мифологической модели мира проецируются на художественную структуру нового мифа, положенного в основу утопического восприятия действительности.

Большинство исследователей полагает, что утопия и антиутопия принадлежат к одной жанровой форме, представляя две абсолютно противоположные концепции решения путей мироустройства. Вслед за О. А. Павловой, мы рассматриваем утопию и антиутопию как единое жанровое явление, существующее «в литературном процессе на “стыке” науки, философии и словесного творчества», представляющее собой «пограничное поликомпонентное жанрообразование, художественную систему которого формирует взаимодействие структурообразующей модели идеального мира и художественной реальности, оформленной по “инвариантам” жанров, наиболее востребованных в эпоху создания произведения». В то же время «с учетом полиструктурности утопия и антиутопия воспринимаются не как различные жанры, а трактуются как два диаметрально противоположных ценностных отношения к утопическому миру, “проектируемому” социокультурной моделью» [4, с. 9]. Несмотря на большое количество вариантов жанровых определений, в науке наметились две основные градации: утопия (изображает идеально хорошее общество) и антиутопия (описывает идеально плохое общество).

Жанровая специфика романа М. Кабирова «Китап»

Роман М. Кабирова «Китап» («Книга») (2014) в татарском литературоведении рассматривается в рамках антиутопического повествования, которому присуща определенная структура: исторический процесс делится на два отрезка – до осуществления антиидеала и после, между ними – культурный, социальный или природный катаклизм, после которого строится новое общество. В романе обнаруживаются очевидные сходства с произведениями Р. Брэдли, О. Хаксли, Е. Замятина, Т. Толстой и др., которые относятся к жанру классической антиутопии. Однако мы не склонны обвинять М. Кабирова в плагиате, так как при создании художественного произведения авторы ориентируются не только на собственное мировидение, большое значение приобретает и такое понятие, как «память жанра» (термин М. М. Бахтина), когда автор выстраивает художественное произведение в соответствии с закономерностями конкретного жанра. Основываясь на традиционных жанровых канонах, автор выбирает те формы и выразительные средства, которые наиболее полно отражают его идеи. При этом вписывание нового произведения в традиционную жанровую парадигму позволяет актуализировать «эффект памяти» в сознании читателя, еще более усиливая проблематику произведения.

Начальным пунктом для создания нового общества М. Кабиров определяет социальный катаклизм – отказ от книг и, как следствие, отказ от исторического и культурного наследия человечества, который приводит к массовому зомбированию человеческого сознания и разрушению существующего мира. В «Китап» создан пародийный образ современного полипроблемного социума, который ведет к нравственному и культурному разрушению человека. Желание демонстрировать свою интимную жизнь, отказ от культурных ценностей, клипированное сознание, массовый психоз, утрата человеческого «Я», размывание представлений о личности как главной ценности – признаки реальной жизни XXI в. В романе эта ситуация обыгрывается посредством текста в тексте: повествование в Книге, с одной стороны, транслирует наше современное общество и, соответственно, его возможное будущее, а с другой стороны, показывает прошлое и настоящее человеческого общества, приведшего героев романа к всецело контролируемой иллюзорной реальности, частью которой они являются. «Здесь к многоголосью подключается философия иллюзионизма: действительности – нет, все является результатом коллективной иллюзии. И в этой философии значение книги объясняется в соответствии с концепцией Карла Юнга: наше бессознательное существование реально, тогда как сознательный мир – это род иллюзии, которая с какой-то определенной целью представляет себя реальностью, подобно сну, который кажется реальностью, пока мы

не проснемся» [1, с. 3]. Структурирование повествования подобным образом приводит к тому, что читатель одновременно находится в двух, вложенных друг в друга пространствах – «своем» современном, сопутствующем ему общественном устройстве, и «чужом», художественном, созданном писателем гипотетическом будущем. Такая пространственная организация произведения позволяет читателю искать соответствия между тем, что изображено в романе, и фактами или явлениями действительности, в которой он живет, что наделяет романы-антиутопии прогностической функцией.

Миромоделирование в романе М. Кабирова «Китап»

В романе М. Кабирова представлена двойная модель мира. С одной стороны, это мир, который ассоциируется с тоталитарным государством: абсолютно на всех уровнях жизни человека его сознание контролируется неким общим разумом, подавляющим способность мыслить и заставляющим человека пребывать в забвении. С другой стороны, в романе представлен мир, «мутировавший» нравственно и духовно. Катастрофа, читаемая на страницах книги, произошла в сознании людей, в их душах. Изменились точки отсчета: нет прошлого, непонятное настоящее, невидимое, но устрашающее будущее.

События романа, ассоциирующиеся с первым миром, происходят в замкнутом пространстве: Академии наук и Умном доме. Время стоит, оно не движется, создается впечатление, что мир застыл в одном состоянии, и люди, населяющие его, день ото дня монотонно выполняют свои обязанности, не задавая вопросов и ни о чем не задумываясь. События же, связанные со вторым миром, происходят в прошлом в рамках того же города, но динамика процесса показывает, что «мутация» и «зомбирование» людей распространяются на весь мир. Время здесь динамично, что позволяет автору раскрыть цепь событий, приведших к катастрофе. Связующим звеном и объединяющим элементом между этими мирами является Книга.

Созданная автором мифологическая реальность, в которой живут люди после массовой катастрофы, не наделяется реалистическими чертами. Она представляет собой коллаж из осколков реальных образов, которые при общем рассмотрении не собираются в картину реального мира, а как бы повисают в пустоте, тем самым еще более усиливая иллюзорность воссозданного мира. Отсутствие культуры стирает в сознании людей цивилизационный опыт, накопленный тысячелетиями. Создается причудливая смесь из первобытных образов и остатков, отголосков прежней жизни. Разрушение культуры ярче всего проявляется в образе жизни людского сообщества: основным вектором существования человека становится удовлетворение ежедневных потребностей, тогда как помыслы о культурном обогащении, научных открытиях, образовании вообще не возникают в сознании жителей. Безвыходность ситуации еще более усиливает отсутствие подрастающего поколения, а следовательно, будущего.

Мир, в котором живут герои, представляет собой иллюзорный мир, проецируемый в их сознании посредством массового зомбирования людей, в то время как настоящая реальность раскрывается в снах Ильдара в результате прорывов сознания, освобождения его от контроля автоматической системы. Настоящая реальность, предстающая в снах главного героя, приводит его в ужас, так как показывает разрушенный город и людей, превратившихся в зомби и слоняющихся по улицам с единственной целью найти и уничтожить нормальных жителей. Два мира соединяются посредством сна: мир, открывающийся в снах, является продолжением и зеркальным отражением мира, предстающего взору читателя в книге. Таким образом, два пространства накладываются друг на друга и создают единый образ мира.

Однако существует опасность разрушения иллюзорного мира посредством знакомства с Книгой и правильного ее толкования, и эта идея романа является сюжетообразующей. Главная проблема романа заключается в поиске утраченной культуры, внутренней гармонии, человеческого «Я». Одним из основных символов романа является Книга, которая представляет собой знание о прошлом, настоящем, будущем. Именно приобщение к Книге пробуждает Ильдара. Но остается главный вопрос, поставленный в произведении: к чему приведет всеобщее пробуждение, способно ли будет человечество принять настоящую реальность? Автор не дает на него ответа, он остается за кулисами, читатель сам должен понять, сможет ли Ильдар повернуть время вспять и спасти человечество от подобной катастрофы.

Художественное преломление эсхатологического мифа

Ю. М. Лотман в связи с архетипичностью романа писал: «Пристальный анализ убеждает, что безграничность сюжетного разнообразия классического романа, по сути дела, имеет иллюзорный характер: сквозь него явственно просматриваются типологические модели, обладающие регулярной повторяемостью. <...> При этом непосредственный контакт с “неготовой, становящейся современностью” парадоксально сопровождается в романе регенерацией весьма архаических и отшлифованных многими веками культуры сюжетных стереотипов. Так рождается глубинное родство романа с архаическими формами фольклорно-мифологических сюжетов» [3, с. 325].

Антиутопия по своему замыслу реализует миф эсхатологический, который составляет антитезу мифу космогоническому. Эсхатологические мифы содержат пророчества о предстоящем конце света и распространены во многих культурах мира и религиях. Одним из характерных признаков антиутопической литературы можно считать обращение к эсхатологическому мифу, так как в произведениях этого жанра допускается возможность

мировой катастрофы и прослеживается попытка объяснить ее причины и закономерности существования мира, созданного на обломках цивилизации. «Представляется, что это усиление, равно как и оживление эсхатологических компонентов культуры, следует считать закономерным результатом – социокультурных факторов, выявление которых позволило бы не только уточнить понимание роли эсхатологии в современной культуре, но и пролить некоторый свет на сущность и функциональное значение во всемирной истории эсхатологических мифов вообще. При этом важно, что эсхатология всегда предстает в виде предсказания или системы предсказаний, которые предлагают или навязывают некоторый образ будущего» [5, с. 238]. Миф о конце света всегда предшествует созданию нового мира, так и в романе М. Кабирова мир возникает после некоей катастрофы, проходит фазу развития и подходит к концу, к разрушению, но и к возрождению одновременно, так как конец старого есть рождение нового.

Анализ художественной модели мира, представленной писателем на страницах произведения, позволяет говорить о реализации в сюжете романа мусульманских представлений о конце света. Антиутопическая модель мира М. Кабирова основана на новом прочтении эсхатологического мифа в исламе, на пересмотре причинно-следственных связей конца света и создания нового мира.

В представлениях о конце света в исламе важное место занимает образ Даджжал (араб. *داججلا* – обманщик) – лжепророк в мусульманской традиции, за которым следуют неверующие и лицемеры, его появление является одним из признаков приближающегося конца света. «В Коране Даджжал не упоминается, но часто упоминается в хадисах пророка Мухаммеда и в сказаниях о грядущем “конце света”. Даджжал связан с Иблисом и будет последним искусителем людей перед концом света. Он будет выдавать себя за настоящего мессию – Ису (Иисуса) или Махди» [6, с. 55].

Повествование Книги начинается с первого упоминания Абрара Даутова, образ которого в дальнейшем воспринимается как образ искусителя, сподвижника Иблиса, который стал последним звеном в цепи разрушений существующего мироздания. Автор уделяет много места описанию внешности Абрара Даутова, привлекающего всеобщее внимание своей красотой, однако акцентирует внимание читателя на отсутствии информации о его происхождении, родственных связях и привязанностях. Возникнув ниоткуда, Абрар Даутов своими действиями приближает катастрофу – полное уничтожение письменной культуры и обезличивание человечества. Для предупреждения о дурных последствиях встречи с данным человеком автор вводит образ старухи-пророчицы, которая возникает в повествовании дважды: до первой встречи с Абраром Даутовым и после случившейся трагедии. Она объясняет автору Книги происхождение искусителя, которого приравнивает к Иблису. Художественные детали, используемые при описании образа Абрара Даутова, его действия и последствия совершаемых им действий позволяют, как нам кажется, расценивать его образ как художественную интерпретацию мифологического образа искусителя-Даджжала, появляющегося перед концом света.

Последующие события, описываемые на страницах Книги, накладываются на представления о конце света в исламе и получают авторскую интерпретацию в контексте нового мифа. Верующие считают, что непосредственно перед концом света (*кыямат*) люди услышат звуки трубы архангела Исрафила. В соответствии с религиозными верованиями страшный звук трубы умертвит все живые существа, и на земле произойдет страшная буря, сильное землетрясение, звуки трубы Исрафила поднимут мертвецов, лежащих в могилах. При чтении романа становится очевидным, что события, связанные с разрушением существующего мира, происходят под непосредственным влиянием повсеместно распространенной мелодии или песни (или чего-то похожего на нее, что в романе звучит как речитатив «*Ту-ту-ту ту-ту... Та-та-та... Итта-ритта-риттата...*»), которая слышится в местах скопления людей, по телевизору и оказывает непосредственное влияние на слабых разумом и волей, превращая их в «живых мертвецов». «Важную роль играет рефрен, вынесенный в заглавие – “Итта-ритта-риттата...”», апофеозу бессмысленного существования современного человека» [8, с. 188]. Именно с него (как и со звуков трубы Исрафила) начинается разрушение существующего мира, превращение людей в управляемых существ, крушащих все на своем пути и выискивающих инакомыслящих людей, способных к свободомыслию.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Эсхатологический миф, основанный на представлениях мусульманского вероисповедания, художественно преломляется в романе М. Кабирова «Китап». Мифологическая модель мира, созданная автором, развивается не по традиционному пути, где человечество будет спасено после Судного дня, а представляет иную реальность, в которой человечество постигает крах цивилизации. Новое прочтение эсхатологического мифа не оставляет надежды на помощь со стороны и определяет единственным способом спасения человечества возвращение человека к собственному «Я» и способности мыслить.

2. Антропоцентричность повествования как одна из основных характеристик мифологической модели мира является структурообразующим компонентом романа М. Кабирова «Китап». Герою принадлежит главная роль в акте перехода от Зла к Добру, происходит последовательный процесс самоопределения героя, предстающий как достижение гармонии внутри себя, т.е. слияние микро- и макрокосма, конечная цель которого заключается в окончании акта внутреннего очищения и самосовершенствования личности.

3. Авторская интерпретация эсхатологического мифа находит новое прочтение в ходе повествования, что позволяет писателю создать антиутопическую модель мира для разговора о проблемах человечества

в исторической перспективе. Образ книги, являющийся сюжетообразующим элементом, восходит к своему первообразу – Корану, делая «человека читающего» носителем высочайшей духовной культуры. Книга в романе М. Кабирова, как особая смысловая спираль, закручивает вокруг себя сюжет и персонажей «нового» мифа о конце света, его причинах и «новом» мире.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении татарской прозы рубежа XX–XXI вв. в аспекте художественного мифологизма, что позволит выявить единые мифопоэтические структуры и формы освоения действительности, характерные для разных направлений и течений литературного процесса переходного периода.

Источники | References

1. Загидуллина Д. Ф. Татарская литература XX – начала XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань: ИЯЛИ, 2020. 256 с.
2. Загидуллина Д. Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 288 с.
3. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 325–348.
4. Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2006. 586 с.
5. Пигалев А. И. Эсхатология в «сценариях будущего» // Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. М.: Новый хронограф; Эйдос, 2009. Т. 6. Культурное наследие: от прошлого к будущему. С. 237–248.
6. Пиотровский М. Б. ад-Даджжал // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 55–56.
7. Покотыло М. В. Литературная антиутопия в системе жанровых дефиниций // Гуманитарные исследования. 2012. № 3 (43). С. 136–140.
8. Хабутдинова М. Своеобразие жанра антиутопии в творчестве Марата Кабирова (на примере романа «Китап» («Книга») (2017)) // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 185–190.

Информация об авторах | Author information

RU

Давлетшина Лейла Хасановна¹, к. филол. н.

¹ Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

EN

Davletshina Leila Khasanovna¹, PhD

¹ G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

¹ leyla.davletshina@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): татарская литература; антиутопия; жанр; модель мира; мифологизм; Tatar literature; anti-utopia; genre; world model; mythologism.